

Новые вызовы и новые приоритеты

Во многом вставшие сегодня перед российской наукой и внешней политикой проблемы связаны с тем, что формирование нового, относительно устойчивого мирового порядка далеко от завершения. Возникающая международная система становится все более сложной, динамичной, неустойчивой и все менее предсказуемой. Постоянно появляются новые факторы неопределенности и глубоких перемен. Становление единой глобальной экономики и рост взаимозависимости происходят на фоне усиливающейся фрагментации мира. Расширяется зона технологически передовых стран с высоким уровнем жизни. Одновременно растет количество так называемых "несостоятельных" или "несостоявшихся" государств. Разрывы в уровнях социального, экономического и технологического развития различных регионов планеты постоянно углубляются.

Нарастает не только экономический, но также политический и культурный плюрализм современного мира. Возникающая многополюсность или, точнее, многомерность международной системы имеет неоднозначные последствия. В частности, различные системы ценностей и политические культуры далеко не всегда мирно сосуществуют друг с другом. История международных отношений дает немало примеров того, как конфликты несовместимых ценностей и идеологий порождали конфликты политические, а последние перерастали в вооруженные столкновения и войны.

В процессы демократизации, экономической и культурной модернизации втягиваются все новые общества и социальные слои в странах "третьего мира". Это открывает возможности для преодоления отсталости. Но форсированная модернизация традиционных структур вызывает сопротивление тех групп, которые оказываются неспособными адаптироваться к происходящим изменениям и, соответственно, вытесняются на обочину социальной системы.

События 11 сентября 2001 года и последовавшая за ними война в Афганистане, непрекращающиеся террористические акты в Европе и Азии, война в Чечне, палестинская интифада, война в Ираке и эскалация там насилия после ее завершения, ядерный кризис на Корейском полуострове нередко воспринимаются как грозные предвестники надвигающейся волны войн и конфликтов. Возникает вопрос: неужели правы те, кто говорил о приближающейся или уже идущей "третьей мировой войне"? В ней, как нередко утверждается, ответственным, стремящимся к стабильности и развитию государствам противостоят экстремистские силы и режимы, практикующие или поддерживающие терроризм, рвущиеся к обладанию оружием массового уничтожения. Действительно, в последние годы объектами жестоких террористических атак со стороны воинствующих радикальных исламистов стали США, Россия, Израиль, ряд европейских государств и Индия. Жертвами террористов являются также многие государства самого мусульманского мира. Не застрахован от этого бедствия Китай. Складывается система координации действий исламских и левацких террористических движений. Возник своего рода "террористический интернационал". В свою очередь, военная машина и правоохранительные ведомства развитых стран не приспособлены пока для борьбы с многочисленными, рассредоточенными, организованными на этноконфессиональной основе, религиозно мотивированными диверсионными сетями и группами.

Вызывает тревогу продолжающееся расползание оружия массового уничтожения. Превращение Индии и Пакистана в ядерные государства серьезно надломило режим ядерного нераспространения. Не удастся пресечь ядерные амбиции КНДР, которые могут запустить механизм "ядерного домино" в Северо-Восточной Азии. Появляется все больше свидетельств осуществления иранской военной ядерной программы, и пока нет

убедительных доказательств того, что принятые меры, в том числе по линии МАГАТЭ, ее остановят.

Неспособность отдельных государств и международного сообщества в целом предотвратить дальнейшее распространение оружия массового уничтожения и справиться с международным терроризмом может иметь весьма тяжелые последствия. Если в ближайшие годы не удастся остановить нарастание терроризма, то правительства государств, ставших его жертвой, и международные институты, в том числе ООН, продемонстрируют свою беспомощность. Это чревато политической неустойчивостью. Бессилие власти позволит экстремистским группировкам стать центром притяжения антисистемных движений, расшатать демократические механизмы, вызвать столкновения и гражданские конфликты. Собственно, это и является целью современного международного терроризма, рассчитывающего на волне хаоса и насилия остановить неизбежные процессы модернизации и глобализации, создать некий "всемирный халифат".

Положение усугубляется демографической структурой "третьего мира", в которой преобладают молодые возрастные группы. Многие молодые люди, в том числе получившие образование, не могут найти занятие, соответствующее их социальным ожиданиям, и пополняют маргинальные слои. Последние являются средой, в которой экстремистские движения - а за ними подчас стоят традиционные элиты - вербуют сторонников, в том числе исполнителей террористических актов. В этой среде активно действуют связанные в транснациональные сети организации, представляющие собой своего рода "тыловой эшелон" современного терроризма и формирующие его агрессивную идеологическую доктрину. Последняя, как правило, идеализирует прошлое, интерпретирует происходящие изменения как моральную деградацию, рост несправедливости или усиление эксплуатации, объявляет очередную "священную войну" всем тем, кто придерживается иных взглядов.

Демографические процессы порождают опасные тенденции и в развитой части мира. В частности, старение населения в Европе подталкивает массовую миграцию туда из исламских регионов Ближнего и Среднего Востока. Это приводит к формированию нового феномена - крупных социально-этнических групп, находящихся в основном на нижних этажах общественной иерархии. Возникает, таким образом, мощный очаг социально-политической нестабильности и потрясений, поскольку дискриминированное экономическое положение накладывается на этнические и конфессиональные факторы и противоречия.

В итоге широкое распространение получило представление, что первые десятилетия XXI века будут периодом не менее, а может быть и более, опасным, чем вторая половина XX века. Типичным является, например, вывод видного американского социолога Иммануэля Валлерстайна.

"Хотя большинство людей в посткоммунистическом мире чувствует огромное облегчение от того, что коммунистическая интерлюдия осталась позади, - писал Валлерстайн, - вовсе не очевидно, что они, как и все мы, оказались в мире более безопасном, более обнадеживающем или более приспособленном для жизни... На протяжении следующих пятидесяти лет мир обещает быть намного более жестоким, чем во времена холодной войны, из которых мы вышли"¹.

В складывающихся условиях исследование доминирующих тенденций, перспектив и движущих сил быстрых, глубоких, противоречивых и часто опасных изменений международной среды становится приоритетной задачей нашей отрасли науки. Это имеет важное практическое значение. Без ясного представления о динамике мировой системы

невозможно выработать адекватные стратегические приоритеты внешней политики, представления о союзниках и партнерах, эффективно отстаивать национальные интересы на мировой арене.

Мы не можем не задумываться о том, в какой мере российская внешнеполитическая стратегия, в том числе ее концептуальные основы, соответствует обстановке, складывающейся на международной арене, долгосрочным тенденциям ее развития. Важно и другое. Недостаточно выработать перспективную реалистическую стратегию. Необходимо последовательно и целенаправленно претворить ее в практику. Для этого нужен эффективно действующий внешнеполитический механизм, планомерно детализирующий и реализующий установки высшего политического руководства страны.

Для того чтобы найти ответы на встающие вопросы и претворить их в практические усилия, и наука о международных отношениях, и внешняя политика должны быть свободны от идеологических догм и заранее заданных аналитических схем, сколь бы привлекательными они ни казались. Российская внешняя политика сделала в последние годы несколько важных шагов в этом направлении.

Приход к руководству страной Владимира Путина ознаменовал начало качественно нового периода во внешней политике России. Сформулирована прагматическая, деидеологизированная философия внешнеполитической деятельности нашего государства. Она стала концептуальной основой многовекторной стратегии действий на мировой арене. Ее суть в том, чтобы гарантировать национальные интересы России, не скатываясь к конфронтации и агрессивным методам, проявлять гибкость, выстраивать отношения партнерства "по всем азимутам", добиваться компромиссов, приемлемых и для России, и для ее партнеров.

"Главная цель нашей политики, - подчеркнул Президент В.Путин, - заключается не в том, чтобы демонстрировать какие-то амбиции имперского характера, а в том, чтобы обеспечить благоприятные внешние условия для развития России. Ничего здесь необычного нет. И мы будем выстраивать многовекторную внешнюю политику, мы будем работать и с Соединенными Штатами, и с Евросоюзом, и с отдельными странами Европы. Будем работать с нашими азиатскими партнерами, с Китаем, Индией, со странами Азиатско-Тихоокеанского региона"².

Реализация таких стратегических приоритетов и установок позволила в нынешнем десятилетии существенно укрепить позиции России на мировой арене. Удалось не только устранить перспективу конфронтации с США и другими западными странами, которая вырисовывалась несколько лет тому назад, но и выработать курс на стратегическое партнерство с ними.

Стратегическое партнерство России с ведущими западными странами, в том числе с Соединенными Штатами, основано на схожем видении угроз и вызовов международной и национальной безопасности. К ним с полным на то основанием относят международный терроризм; распространение оружия массового уничтожения; нестабильности, порожденные локальными и региональными конфликтами; транснациональную преступность, прежде всего наркобизнес, незаконную торговлю оружием и людьми. Об этом написано и сказано в последние годы немало. Действительно, сети международного терроризма, переплетающиеся с каналами распространения оружия массового уничтожения, незаконных финансовых транзакций и наркоторговли могут быть подавлены только столь же разветвленными системами сотрудничества ответственных государств.

Объективное совпадение интересов безопасности России и ее западных партнеров создало прочный фундамент новой архитектуры международной безопасности. Но на этом фундаменте еще предстоит выстроить здание эффективного сотрудничества в противодействии общим угрозам настоящего и будущего. Специфика нынешнего этапа российской внешней политики состоит, в частности, в том, чтобы сформулировать и реализовать "позитивную повестку дня" в отношениях с Западом и другими нашими партнерами, в том числе с Китаем.

Решение принципиальных внешнеполитических задач, актуальных для первых лет нынешнего десятилетия, требовало от российского руководства прежде всего ясной и четкой политической воли. Сегодня же необходимо углубление и, главное, институционализация отношений России и западных стран, что намного сложнее. От нас и от наших партнеров требуется не просто отказ от устаревших подходов, но и согласование позиций по широкому кругу проблем, в том числе затрагивающих весьма деликатные вопросы национальной безопасности. Необходимо создание работоспособных процедур, механизмов и институтов сотрудничества. Нужно преодолеть сомнения в том, что такое сотрудничество отвечает интересам всех его участников. В итоге формирование позитивной повестки дня отношений России и ведущих западных государств является длительным и трудным процессом. Однако если он затянется, время может быть упущено.

Размышляя о будущем российской внешней политики и о будущем международной системы, нельзя пройти мимо войны в Ираке и ее последствий. Кризис, возникший в связи с этой войной, стал серьезнейшим испытанием и для российско-американских и для трансатлантических отношений. Российско-американское партнерство и евроатлантическая солидарность это испытание выдержали. Общие интересы безопасности оказались сильнее расхождений относительно средств и методов, использованных антисаддамовской коалицией в Ираке.

Но дело не только и не столько в этом. Война в Ираке наряду с событиями 11 сентября 2001 года обозначила очередной рубеж в эволюции мировой политики в XXI веке. Она стала недвусмысленным свидетельством возвращения военной силы в международные отношения. Типичные для начала прошлого десятилетия представления о демилитаризации мировой политики оказались иллюзорными. Думаю, что, несмотря на все сложности развития событий в Ираке после крушения режима Саддама Хусейна, Соединенные Штаты не откажутся от крупномасштабного использования своих вооруженных сил в зоне "третьего мира" там и тогда, где и когда это будет признано необходимым для обеспечения их безопасности. Такая политика США вызывает противоречивую реакцию в Европе. Однако нет оснований предполагать, что расхождения относительно превентивного применения вооруженных сил подорвут военно-политические связи США и Европы, в том числе Североатлантический альянс.

Возрождение роли военной силы как одного из ключевых инструментов внешней политики ведущих держав ставит перед Россией весьма серьезный вопрос; как действовать в случаях, когда США - в одиночку или вместе со своими союзниками - могут применить военную силу в превентивном порядке, в том числе если Совет Безопасности ООН окажется не в состоянии принять какое-либо решение? Простое обращение к нормам международного права, в том числе к Уставу ООН, как показывает опыт Ирака, не решает проблемы.

Эта проблема должна рассматриваться в широком концептуальном и политическом контексте. Существующий миропорядок унаследовал от ялтинско-потсдамской системы значительную часть международных институтов: универсальную систему ООН, многие международно-правовые нормы, договорные обязательства и т.д. Другими словами,

парадокс заключается в том, что разрушение политических основ ялтинско-потсдамского миропорядка не сопровождалось необходимой глубокой коррекцией его институционально-правового механизма. Этот механизм, нравится нам это или нет, сложился в совершенно иной мировой ситуации, чем сегодня. А система международного права и международных институтов должна развиваться и совершенствоваться, с тем чтобы соответствовать стремительно меняющемуся миру. В частности, было бы важно разработать и утвердить процедуры и критерии, которыми должны руководствоваться государства, предпринимая превентивные силовые акции для борьбы с терроризмом или предотвращения распространения оружия массового уничтожения. Если этого не будет сделано, то военная сила будет применяться вне каких-либо правовых рамок.

В такой ситуации Россия могла бы выступить с конкретными инициативами по совершенствованию международного права. Кроме того, российская политика могла бы играть более активную роль в реформировании существующих институтов современного мироустройства, включая ООН, или в создании новых институтов, предназначенных для противодействия нарастающим угрозам международной и национальной безопасности. Это даст нам возможность практически участвовать в формировании нового международного порядка, а не дожидаться, пока его сформируют без учета наших интересов и взглядов.

Разумеется, эти соображения - не более чем предварительные размышления ученого, озабоченного тем, что опасные тенденции в развитии международной политики не встречают должного противодействия. Хотел бы подчеркнуть главное - необходимость творческого, незашоренного подхода к анализу происходящих на мировой арене событий. В этом я вижу *raison d'être* наших исследований.

¹Валлерстайн Иммануэль. Конец знакомого мира. Социология XXI века. Москва, 2003, с. 25.

²Встреча с журналистами в избирательном штабе по окончании голосования на выборах Президента России. 15 марта 2004 г. <http://www.president.kremlin.ru/text/appears/2004/03/61835.shtml>